

198 БАСЕН ДЕДУШКИ КРЫПОВА

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И НАУЧНЫМ КОММЕНТАРИЕМ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Иван Крылов

198 басен дедушки Крылова

«Алисторус»

1795–1840

УДК 821.161.1
ББК 83.3Р

Крылов И. А.

198 басен дедушки Крылова / И. А. Крылов — «Алисторус»,
1795–1840 — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-907120-76-1

...Во всех отношениях самый народный наш поэт... (А. С. Пушкин) ...Его басни отнюдь не для детей. Тот ошибется грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи – достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа. (Н. В. Гоголь) В русской литературе не было более искусного мастера иносказательности, чем «дедушка Крылов». Соединив в своем стиле мудрость Эзопа и искрометный слог Лафонтена, Иван Андреевич создал удивительное собрание басен. Простые и изящные истории понятны даже ребенку, но за этой легкостью всегда кроется подтекст, тонкий намек, понятный лишь немногим. За свою жизнь писатель создал 198 басен, которые даже сейчас, спустя 250 лет со дня рождения автора, продолжают восхищать легкостью слога и изяществом намеков. В предлагаемое издание вошли все басни, написанные Иваном Андреевичем Крыловым. Каждая история украшена иллюстрациями и снабжена подробным комментарием, благодаря чему известные с детских лет басни читаются уже совершенно иначе. В формате a4-pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 83.3Р

ISBN 978-5-907120-76-1

© Крылов И. А., 1795–1840

© Алисторус, 1795–1840

Содержание

Иван Андреевич Крылов и его басни	8
Книга первая	12
I	13
II	16
III	18
IV	21
V	24
VI	27
VII	30
VIII	34
IX	38
X	41
XI	44
XII	46
XIII	48
XIV	51
XV	54
XVI	57
XVII	59
XVIII	62
XIX	65
XX	68
XXI	71
XXII	74
Книга вторая	76
I	77
II	80
III	82
IV	84
V	87
VI	91
VII	94
VIII	96
IX	98
X	100
XI	102
XII	105
XIII	108
XIV	112
XV	114
XVI	117
XVII	119
XVIII	121
XIX	124
XX	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Иван Андреевич Крылов 198 басен дедушки Крылова

*И. А. Крылов
Портрет работы Р. Волкова. 1812*

© Вострышев М.И., состав, комментарии, 2020

© ООО «Агентство Алгоритм», худож. оформ., дизайн, 2020

Иван Андреевич Крылов и его басни

Образ дедушки Крылова возникает уже в детском воображении, еще не вполне осознанный, но бесконечно близкий и родной, чем-то напоминающий рождественского Деда Мороза. Он неожиданно появляется где-то рядом с чудесными сказками и первыми художественными впечатлениями детства. В ту пору мы даже не задумываемся над тем – кто он? – писатель ли, драматург, баснописец... Сами по себе вошли в нашу жизнь крыловские умные звери с их вполне человеческими мыслями, поступками, рассуждениями. В своем просторном халате, а может быть, в причудливой мантии, в окружении своих удивительных героев Крылов невольно смыкается с волшебным миром народной сказки, столь богатой самыми «необыкновенными» превращениями.

И.А. Крылов (1769–1844) родился в Москве, в семье бедного дворянина, а после смерти отца, который оставил ему в наследство солдатский сундучок с книгами, жил со своей матерью в глубокой нищете. Мать ходила читать и отпевать покойников в богатые дворянские и купеческие дома, а будущий баснописец начал служить «подканцеляристом» в одном из казенных учреждений. Рано познакомился он с судейским произволом, крючкотворством, ябедой, взяточничеством, и вся эта затхлая и унижительная атмосфера человеческого бесправия, безусловно, произвела на мальчика громадное впечатление, которое в дальнейшем послужило основой для всего его сатирического творчества.

Жизнь Крылова в детстве сложилась так, что ему не пришлось даже учиться в школе. Но стремление к образованию у него было настолько сильным, что он самоучкой овладел языками, математикой и стал высокообразованным для своего времени человеком.

Уже в юности Крылов написал несколько комедий для театра, но ни одна из них не была исполнена на сцене. Вскоре он начинает сотрудничать в журналах «Лекарство от скуки и забот» и «Утренние часы», и там в 1788 году публикует первые свои басни. На следующий год он уже сам издает сатирический журнал «Почта духов», где в выдуманной им переписке волшебников, фантастических духов – гномов, сильфов, ондинов, невидимо живущих среди людей, – появляются сатирические образы екатерининской эпохи: пышные вельможи, живоглоты-чиновники и судьи-крючкотворы. Но сатирический журнал «Зритель», в котором писатель особенно смело обличал самодержавный и помещичий произвол («Каиб», «Похвальная речь в память моему дедушке»), вскоре закрывается императрицей; комедии, за малым исключением, не видят света театральной рампы. И как любимейший род сатирического оружия, им избирается басня. Начиная с 1805 года, Крылов входит в большую литературу как создатель русской классической басни.

Он понимает, что к басне труднее придаться, она сама кусает, а ее-то не укусишь, за аллегориями можно порой надежно укрыться. А звериные маски, благодаря таланту баснописца, не ограничены устойчивыми традиционными характеристиками (осёл – глупость, лиса – хитрость, заяц – трусость), но претворяются в более сложные, живые, бытующие характеры, родственные по существу человеческим. Интересы, навыки, привычки, выражения басенных персонажей близки и понятны самому широкому читателю. Из народного языка, из поговорок и пословиц черпал писатель многие свои сюжеты и мысли. По свидетельству одного из современников, он уже в детстве «посещал с особенным удовольствием народные сборища, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолюдинов...»¹

Гуща жизни, живое ее кипение увлекали Крылова. Все творчество баснописца прочно и глубоко было связано с жизнью народа, служило его интересам, его правде. Крылов не только

¹ Газета «Северная пчела», 1846 г., № 292

много знал о народе, но как бы проник в тайны мышления народного. «Это наша крепкая русская голова, – сказал Гоголь, – тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек...»

Наблюдения, представления, мысли народа, весь его многовековой жизненный опыт воплотился мастерством писателя в предельно лаконическую форму басенной морали: «У сильного всегда бессильный виноват», «Беда, коль пироги начнет печи сапожник...», «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», «Что сходит с рук вора, за то ворيشек быют» и т. д.

Народность крыловской басни – органическая и истинная. Вспомните, к примеру, басни «Крестьянин и Овца», «Демьянова уха», «Волк и Кот», «Слон и Моська», «Кот и Повар», «Три Мужика». Словно бы сама старая Русь с ее обычаями, нравами, характерами оживает в созданиях Крылова. Даже те басни, сюжеты которых он позаимствовал у французского писателя Лафонтена, силой его могучего таланта стали такими неподражаемо русскими, органично крыловскими, что отдавать их Лафонтену нам никак не хочется. Гоголь писал о Крылове, что «всюду у него Русь и пахнет Русью», и что басни его – «книга мудрости самого народа». Историк М.П. Погодин как бы добавлял к этому: «Как все по-русски – чудо! И медведь Крылова, – видно, что земляк, русский!»

Иногда задумываешься. А что, если бы в баснях шла речь только о животных, что, если бы персонажи и «мыслили» по-звериному, и не было в них человеческих черт, что, если бы басни превратились в рассказы о зверях? Или, напротив, действовали бы в них только люди. Перед зеркалом вертелась какая-нибудь барышня-франтиха, а не обезьяна, и квартет устраивали не «проказница Мартышка, Осел, Козел да косолапый Мишка», а реальные и достоверные дворяне, купцы, чиновники? Пожалуй, все бы и пропало. Ведь «душа» крыловской басни в этом органическом синтезе человеческого и звериного, соединении тонком, тактичном и потому никак не оскорбительном. Сохранив «звериное» обличие, басенные герои стали одновременно и носителями таких общечеловеческих пороков, как лень, зависть, жадность, угодничество, ложь. Иногда же они судят о событиях мудро и справедливо, и тогда они не глупее людей. Сообразуясь с природными нравами и повадками животных, Крылов наделяет их вполне человеческими поступками и мыслями. Пчелы и Муравьи почти всегда трудолюбивы, скромны и наблюдательны. Хитрая плутовка и лицемерка Лиса выступает в басне как криводушный судья-взяточник или лживый царедворец, а хищный, жадный, глуповатый Волк олицетворяет бюрократа-чиновника, хапугу и грабителя. Уже одно только присутствие этих людских качеств в звере и «звериных» и человеку рождает восхитительный крыловский юмор, такой непосредственный, лукавый и добрый.

Человек и зверь живут у писателя в одном прекрасном мире сказки, разговаривают они на одном языке, великолепно понимают друг друга, по одинаковому они «думают», хитрят, обманывают, вызывая наше негодование, сочувствие, жалость, смех.

И животные, и люди в баснях Крылова сказочны, но, как в подлинной, настоящей сказке, они в то же время достоверны. Их занимательное существование – приключения, конфликты, столкновения при всей сказочности абсолютно правдоподобны, вполне вероятны. Весь животный, растительный и вещный мир оживает в крыловских баснях. Так великолепно он живописует и облекает в живую плоть свою фантазию, что «даже сам горшок» у него, по выражению Гоголя, «поворачивается как живой».

Как автор и рассказчик своих басен, Крылов так задушевен и, казалось бы, прост, так непосредственно и вместе с тем лукаво проникает в самое сердце читателя, что становится ему близким и родным. Его простодушие, ясность мысли, некоторая наивность, в которые он облачал и свои басни, породили несколько упрощенное представление о нем, как о личности. За Крыловым прочно утвердилось репутация чудака и ленивца. Все знают забавный анекдот о баснописце, записанный Пушкиным: «У Крылова над диваном, где он обыкновенно сидел,

висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, непрочен, и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. “Нет, – отвечал Крылов, – угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову”».

Такая, казалось бы, чрезмерная невозмутимость и инертность предстают в несколько ином свете, когда узнаешь, что 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов, в самый разгар событий, писатель находился на Сенатской площади. Известно также, что, изучив главные европейские языки, Крылов, по словам Пушкина, «как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому», и затем прочитал в подлиннике всех греческих классиков.²

Во многих баснях свое «простодушие» Крылов, когда это было необходимо, очень умно использовал. Поэт П.А. Вяземский тонко подмечал: «Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас... но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме. И прекрасно делал, потому что он был чрезвычайно умен... Здесь и мог он вполне быть себе на уме; здесь мог он многое говорить, не проговариваясь; мог, под личиной зверя, касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, не хватило бы духа у него прямо доходить».

Под маской львов, орлов, медведей современники легко угадывали неправедных судей, лукавых и лстивых царедворцев, именитых сановников, а порой даже самого царя. Не случайно так ополчился на басню персонаж грибоедовской комедии «Горе от ума» Загорецкий – плут, подхалим и политический доносчик:

А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни – смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хоть и животные, а все-таки цари.

Также отнесся к некоторым басням Крылова и Цензурный комитет: басни «Пестрые овцы», «Рыбы пляски» (1 ред.), «Вельможа», «Пир» за смелые политические намеки были запрещены и распространялись в рукописных списках. Вот пример, когда «простосердечная», добродушная и мудрая позиция баснописца оказывается не менее воздействующей, разоблачительной и впечатляющей, чем злобная, протестующая, саркастически-язвительная. Форма и манера, выбранная Крыловым, не мешает многим его басням быть по существу социальными памфлетами.

Я не могу не сказать, как многолетний исполнитель Крылова, что чрезмерная нагрузка басен ядом и желчью, так сказать, бичующая манера чтения, воздействует на слушателей меньше, чем мудрая, философски добродушная, неотразимо спокойная интонация. В то же время, например, Салтыков-Щедрин или Маяковский обязывают к обличительной манере исполнения, полной сарказма, гражданского гнева и язвительной иронии. Хочется также добавить, если уж я начал говорить об исполнении, что верным Крылову надо быть и в сочетании звериного и человеческого. Часто можно увлечься показом и изображением животных, и уйдет человеческая психология, а вместе с ней подчас и философский смысл басни. И, наоборот, если показывать и изображать только людей, да еще не очень ярких, непохожих на действующих в басне зверей, в свою очередь уйдет или, во всяком случае, поблекнет все неповторимое своеобразие крыловской басни.

² Граф Витторио Альфиери (1749–1803) – итальянский поэт и драматург.

С некоторой горечью думаешь о том, что Крылова знают и любят с детства, а в более зрелые годы так и остаются с детскими о нем впечатлениями. В самом деле, если хочется перечитать классику, то с наслаждением обращаются к Толстому, Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Лермонтову, Чехову и многим другим нашим писателям, прежде чем придет желание вернуться к Крылову. «Да стоит ли? – думает читатель. – Ведь я хорошо помню и “Квартет”, и “Лжеца”, и “Кота и Повара”. Все эти басни крепко засели в голове с детства. Так стоит ли перечитывать?» Стоит, и очень стоит.

Басни Крылова, как всякое истинно художественное произведение, обладают чудодейственной силой. Они заключают в себе мудрые незыблемые истины, почерпнутые художником из «моря житейского». Именно поэтому басни обретают необычную сюжетную гибкость и являются перед читателем каждый раз со свежим, неожиданным подчас содержанием и смыслом, в разные эпохи обретая новое рождение. «Да они как будто сегодня написаны, они актуальны!» – говорили мне иной раз и слушатели, и читатели, у которых крыловские басни рождали живые и современные ассоциации, аналогии. Во всяком случае, работы для фантазии басни дают вдоволь. А художественное впечатление, прошедшее через собственную фантазию, становится дорогим для человека и безмерно обогащает его, незаметно делая художником, сотворцом прочитанного.

Написаны басни Крылова замечательным русским языком, теми легкими, незатейливыми разговорными стихами, которые сродни грибоедовским строкам «Горе от ума», пушкинскому «Домику в Коломне» или «Гусару», и так и просятся быть произнесенными вслух, стать живыми, кажутся рожденными сию минуту в простой, непринужденной беседе. И названия крыловских басен, и отдельные строфы, и герои остаются в памяти, воспринимаются как народные поговорки, пословицы, крылатые слова: «Тришкин кафтан», «А Васька слушает, да ест», «Демьянова уха», «А ларчик просто открывался», и много, много других.

Прошло более полутора веков, как басни Крылова полюбились русскому сердцу, и, надо прямо сказать, пока он никем не превзойден. Насколько могуч талант баснописца, что никто и не решался вторгнуться в его владения. В русской литературе после И.А. Крылова, пожалуй, не были ни одного равного ему баснописца. Можно, конечно, назвать иронические, пародийные басни А.К. Толстого и бр. Жемчужниковых (Козьма Прутков), революционные басни Демьяна Бедного – и все. В последние годы советский поэт Сергей Михалков возродил басенный жанр, нашел свой, интересный стиль современной басни.³

И все же дедушка Крылов по-прежнему безраздельно царствует над басенным миром.

Игорь Ильинский

³ Статья написана в начале 1950-х гг.

Книга первая

И. А. Крылов
Рисунок А. Орловского 1812

I Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньиная с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

*«Ворона и Лисица».
Рисунок А. Жаб. Начало XX в.*

«Ворона и Лисица». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен для издания 1815 г.

Басня самим автором отнесена к числу «переводов и подражаний». Сюжет заимствован у Лафонтена, который, в свою очередь, заимствовал его у Эзопа и Федра. До Крылова эту басню в России переводили Тредиаковский и Сумароков.

Басня призывает остерегаться лживых речей льстецов, против которых трудно устоять, и которые приносят один лишь вред.

Твердили миру – настойчиво повторяли всему свету, всем людям.

Вещунья – принадлежащая вещунье, предвестнице, умеющей предсказывать будущее.

Зоб – нижняя часть горла у птиц, расширяющаяся в виде мешочка, в котором проглоченные зерна некоторое время остаются, поступая потом в желудок.

Дыханье сперло – трудно было дышать.

Такова – была такова, убежала.

II Дуб и Трость

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«По истине, роптать ты в праве на природу, —
Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям, и грозам,
Стою и тверд, и прям,
Как будто б огражден ненарушимым миром.
Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».
«Ты очень жалостлив, – сказала Трость в ответ, —
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасаясь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость,
И от ударов их ты не склонял лица;
Но – подождем конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом, и с дождем шумящий аквилон.
Дуб держится, – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

«Дуб и Трость». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Дуб и Трость». Басня опубликована в журнале «Московский зритель» в 1806 г. Написана в 1805 г. в Москве. Крылов неоднократно перерабатывал басню. Окончательный текст установлен в издании 1830 г. Московский знаменитый баснописец Иван Дмитриев приветствовал появление собрата по перу: «Это ваш истинный род, наконец, вы нашли его».

Басня самым автором отнесена к числу «переводов или подражаний». Она является переработкой басни Лафонтена «Дуб и тростник», в свою очередь восходящей к басне Эзопа «Трость и олива». В России до Крылова эту басню переводили Дмитриев, Княжин и Сумароков.

Мысль басни: слабый, но уступчивый предмет (и человек) может иногда гораздо лучше противостоять силе, нежели крепкий, но упрямый.

Подернет рябью – покрывает мелкими волнами, делая поверхность воды как бы рябую, неровную.

Зефир – теплый тихий ветерок; в античной мифологии – образ западного ветра в виде юноши с крыльями.

Эолова – принадлежащее Эолу, богу ветров.

Аквилон – северный ветер.

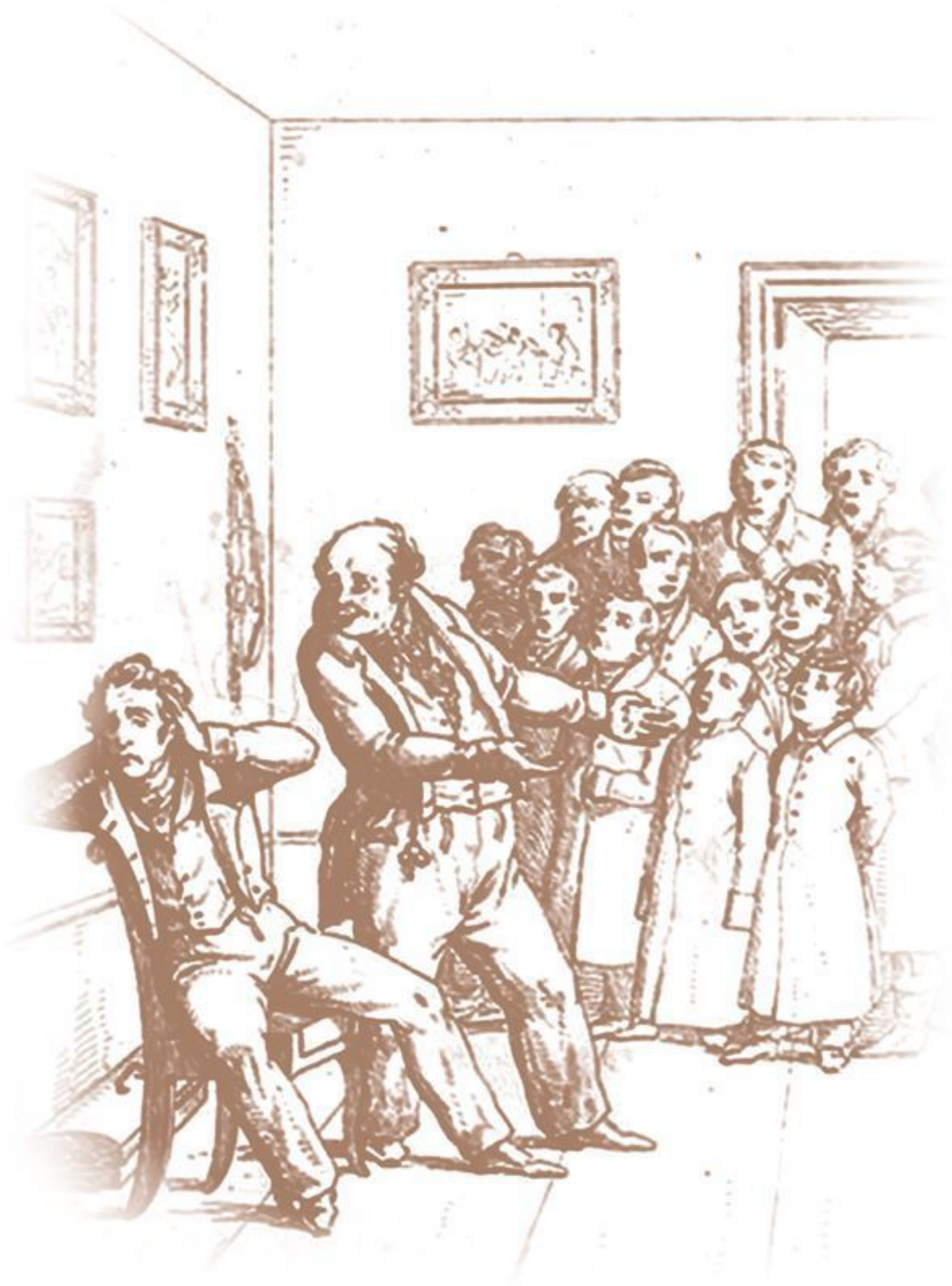
Область теней – подземное царство, куда по верованиям древних греков и римлян переселяются души умерших, их тени.

III

Музыканты

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало,
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, – сказал он с удивленьем, —
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»
«То правда, – отвечал хозяин с умиленьем, —
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумеи.

«Музыканты». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Музыканты». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. О времени написания данных нет. Текст басни окончательно установлен в издании 1819 г.

В басне раскрывается смысл русской народной поговорки: «Кто в лес, кто по дрова». Проводится мысль, что при хорошем поведении следует обладать еще и талантом, и полезными знаниями. По словам писателя Николая Гоголя, при сочинении этой басни «заболела душа баснописца при виде, как и хвастаются тем, говоря, что хоть мастерства они не смыслят, зато

отличнейшего поведения. Он знал, что с умным человеком все можно сделать, и не трудно его обратить к хорошему поведению, если сумеешь умно говорить с ним: но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним».

На тему этой басни есть две русские народные пословицы: «Пей, да дело разумей», «Пьяница проспится, а дурак – никогда».

Умысел – скрытое намерение, замысел.

Горланить – кричать во все горло, орать.

Хмельное – всякий напиток, производящий опьянение.

IV Ворона и Курица

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил;
Тогда все жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дороге? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры, как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

«Ворона и Курица». Рисунок И. Иванова по эскизу А. Оленина. 1815

«Ворона и Курица». Басня опубликована в журнале «Сын Отечества» в 1812 г. Написана или закончена в середине ноября 1812 г. (титул князя Смоленского был присвоен М.И. Гол-

нищеву-Кутузову после сражения под Красным, закончившегося 6 ноября 1812 г.). Окончательный текст басни был установлен в издании 1815 г.

Басня непосредственно связана с заметкой, помещенной в «Сыне Отечества»: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон... Теперь можно дать отставку старинной русской поговорке: попал, как кур во щи, а лучше говорить: попал, как ворона во французский суп».

В заключительных строчках басни имеется в виду, предположительно, Наполеон.

В басне выражена мысль, что надежды часто обманчивы, счастье непрочное.

«Ворона и Курица» – оригинальная историческая басня, относящаяся к Отечественной войне 1812 г. Она изображает, с одной стороны, бедственное положение французов в опустевшей Москве, а с другой – и положение самого Наполеона. Кутузов решил одолеть наполеоновскую армию голодом, на совете в Филях, где было решено уступить Москву без боя, полковник Шнейдер, недовольный отступлением, спросил Кутузова: «Где мы остановимся?» Фельдмаршал отвечал: «Это мое дело. Но уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турок, до того, что они будут есть лошадиное мясо». К этой цели Кутузов направлял и действие партизанских отрядов.

Противу дерзости искусством вооружась – дерзости Наполеона, внезапно напавшего на Россию, Кутузов противопоставил искусство, то есть ловкость, знания и опыт военной стратегии.

Вандалы – древний германский народ, который ходил опустошительной войной на многие государства, разрушая повсюду мирные поселения.

Часа не тратя – не тратя времени.

Вещунья – предвестница.

Хохлаточка – курица, которая имеет хохол.

По пятам несешься – стремишься следом за кем-нибудь.

V Ларчик

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату Механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет, и Ларчик вам открою:
В Механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал,
И как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

«Ларчик». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Ларчик». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. По свидетельству С.П. Жихарева, хорошо знавшего Крылова, басня написана в 1807 г. и за несколько

дней до 19 мая 1807 г. прочитана автором на вечере у князя А.А. Шаховского. Окончательный текст установлен в издании 1825 г.

«Ларчик» – одна из первых оригинальных басен Крылова. Есть мнение, что в ней высмеиваются люди, зараженные мистицизмом, ищущие во всем что-то таинственное, необыкновенное (что было свойственно в кругах высшей знати эпохи начала царствования императора Александра I).

В басне высмеиваются люди, которые ищут чего-то особенного и замысловатого там, где дело решается совершенно просто, легко и ясно для всякого.

Ларчик – небольшой ящик с крышкой и часто с секретным замком.

В глаза кидался – обращал на себя внимание.

Ломает голову – задумывается.

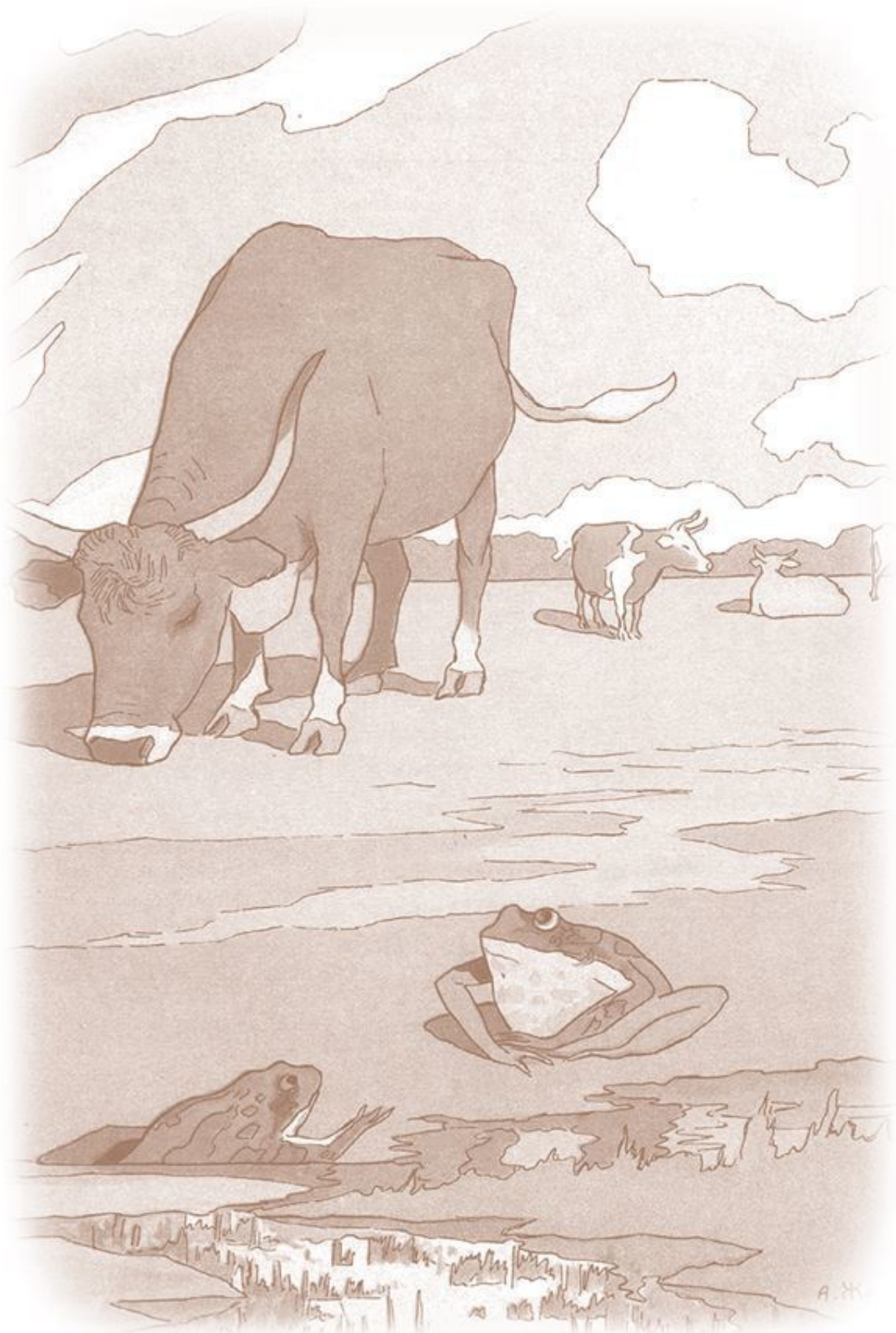
Пище рвется – еще более усердствует.

VI

Лягушка и Вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!»
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Всё то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Воллом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин?

«Лягушка и Вол». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Лягушка и Вол». Басня без нравоучения опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. Нравоучение впервые опубликовано в издании 1815 г. О времени написания данных нет.

Басня самим автором отнесена к «переводам или подражаниям». Она представляет собой обработку басни Лафонтена «Лягушка, хотевшая сделать себя такой же большой, как бык». Сюжет заимствован у Федра и Горация. Вариант этой басни сочинил также Сумароков.

Мысль басни: каждому следует жить по своим средствам и не завидовать тем, кто живет богаче.

Топорщиться – расширяться, надуваться.

С натуги – от большого усилия, сильного напряжения.

Околела – издохла.

Мещанин – городской обыватель низшего сословия.

Именитый – знатный, известный.

Сошка мелкая – мелкопоместный дворянин, обедневший помещик, чиновник незначительного чина.

VII

Разборчивая Невеста

Невеста-девушка смышляла жениха:
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умён,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы всё имел – кто ж может всё иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! —
Твердит красавица, – по ним ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи наворачиваться реже.
Проходит год,
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой:
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнет считать своих подруг

(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывавать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелестей ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Веселость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Беда со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

«Разборчивая Невеста». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Разборчивая Невеста». Басня опубликована в журнале «Московский зритель» в 1806 г. По свидетельству М.Е. Лобанова, написана в Москве в 1805 г. Окончательный текст установлен в издании 1825 г.

Басня самим автором отнесена к «переводам или подражаниям». Она представляет собой обработку басни Лафонтена «Девушка», в своей основе восходящей к эпиграмме Марциала «Галлии». До Крылова в России была опубликована эта басня Лафонтена в переработке Хвостова.

Басня является наглядным изображением мысли, высказанной в русской народной пословице: «Много желать – добра не видать».

Смышляла – задумала, решила искать.

Не придет по мысли – не понравится.

Бостон – карточная игра вчетвером.

VIII Парнас

Как в Греции богам пришли минуты грозны
И стал их колебаться трон;
Иль так сказать, простее взявши тон,
Как боги выходить из моды стали вон,
То начали богам прижимки делать разны:
Ни храмов ни чинить, ни жертв не отпускать;
Что боги не скажи, всему смеяться;
И даже, где они из дерева случатся,
Самих их на дрова таскать.
Богам худые шутки:
Житье теснее каждый год.
И наконец им сказан в сутки
Совсем из Греции поход.
Как ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы;
Но это не конец: – давай с богов лупить
Всё, что они успели накопить.
Не дай бог из богов разжаловану быть!
Угодья божески миряна расхватили.
Когда делить их стали,
Без дальних выписок и слов
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели»
«Смотрите же, – кричит один, – не унывай!
Я затаю, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо,
И громче девяти сестёр
Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занёс,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазанных колёс.

Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мнение:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

«Парнас». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Парнас». Басня опубликована в журнале «Драматически вестник» в 1808 г. с цензурными сокращениями. О времени написания данных нет. Полный текст басни впервые опубликован в 1956 г.

Вступление к басне составляет ее наиболее существенную часть. Данная здесь характеристика древнегреческих богов была подготовлена автором уже в повестях 1792 г. «Ночи» и «Каиб». Были также использованы образы пугачевского восстания.

По мнению академика Я.К. Грота под Парнасом автор подразумевал современную ему Российскую Академию, часть членов которой (особенно поэт граф Хвостов) открыто критиковали басни Крылова.

Последние две строчки, выражающие основную мысль басни, внесены в собрание пословиц.

Парнас – гора в Греции, на которой по верованиям древних греков обитали девять сестер Муз, богини наук и искусства.

Вон выгнали богов – в Греции языческая вера сменилась христианством.

Миряне – люди не духовного звания.

Отмежевали – отдали во владение.

Такую дичь занёс – так плохо запел.

Не во гнев – не в обиду.

IX Оракул

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и серебром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фимиамом задушен.
В Оракула все верят слепо;
Как вдруг, – о чудо, о позор! —
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему зачем ни подойдет,
Оракул наш что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

«Оракул». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Оракул». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. По свидетельству С.П. Жихарева, басня написана в 1807 г. и прочитана автором 8 мая 1807 г. на вечере у князя А.А. Шаховского. Окончательный текст басни установился в издании 1815 г.

В басне выражена мысль, что зачастую человек слывет умным и даровитым до тех пор, пока не становится ясно, что он изрекает чужие мысли, выдавая их за свои собственные идеи.

Оракул – предсказатель будущего у древних греков и римлян, вестник воли богов. Знаменитые оракулы жили при храме в Дельфах. Толкователями их слов являлись жрецы (священнослужители).

Капище – языческий храм.

Фимиам – благоухание благовонных веществ, например, ладана.

Идол – изображение языческого бога.

Болван – истукан, также – обрубок дерева с круглым верхом, на котором выправляют шляпы и парики.

Х Василек

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины,
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал,
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?»
«Уж как ты прост, мой друг! —
Ему сказал, вблизи копаясь, жук. —
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты, или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит,
А ты ни пышен, ни пахуч:
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О, вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно
Былинке ль, кедру ли – благотворит равно,
И радость по себе, и счастье оставляет;
За то и вид его горит во всех сердцах —

Как чистый луч в восточных хрусталях,
И всё его благословляет.

«Василек». Гравюра И. Ческого по рисунку И. Иванова. 1825

«Василек». Басня опубликована в журнале «Сын Отечества» в 1823 г. Датирована самим автором при публикации: «Павловск. Июня 15 дня 1823». Окончательный текст был установлен в издании 1834 г.

Басня написана во время пребывания Крылова в летней резиденции императрицы Марии Федоровны в Павловске в благодарность за оказанное ему внимание. Приглашение было вызвано тяжелым заболеванием Крылова (двукратное кровоизлияние в мозг). Под солнцем подразумевается Мария Федоровна. Крылов написал эту басню в одном из альбомов, разложенных для посетителей в Розовом павильоне Павловска.

Мысль басни: истинно добрый человек помогает без различия всем, кто только в нем нуждается.

Зефир – теплый тихий ветерок; в античной мифологии – образ западного ветра в виде юноши с крыльями.

Докука – беспокойство, вызванное частыми просьбами.

Царство Флорино – растительное царство; Флора – богиня цветов и весны у древних римлян.

Былинка – травка.

XI Роща и Огонь

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет, —
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басеньки моей.

Зимою Огонек под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсем нагая?»
«Затем, что, вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу», —
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! — Огонь ей продолжает. —
Лишь подружись со мной; тебе я помогу.
Я солнцев брат, и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег, и вьюга веет,
Там всё или цветет, иль зреет:
А всё за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег,
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонек
Становится Огнем, Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютее всю Рощу вдруг объемлет.
Погибло всё вконец, — и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни,
И нечему дивиться:

Как дереву с огнем дружить?

«Роща и Огонь». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Роща и Огонь». Басня опубликована в первом издании «Басен» в 1809 г. Данных о времени написания басни нет. Окончательный текст установлен в издании 1834 г.

Мысль басни: следует остерегаться мнимых услуг тех лживых друзей, которые под видом дружбы преследуют одну лишь корысть.

В басне замечательно краткое, но очень яркое описание лесного пожара. Крылов, как известно, в Петербурге часто был посетителем зрелищ пожара.

Роща – небольшой лиственный лес, большей частью около жилища людей.

С разбором – осторожно.

Тлелся – горел без пламени.

Дорожные – находящиеся в дороге.

Спустилось на ночлег – зашло.

ХII Чиж и Еж

Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал ему хотелось,
И не за что; так как-то пелось!
Вот, в блеске и во славе всей,
Феб лучезарный из морей
Поднялся.
Казалось, что с собой он жизнь принес всему,
И в сретенье ему
Хор громких соловьев в густых лесах раздался.
Мой Чиж замолк. «Ты что ж, —
Спросил его с насмешкой Еж, —
Приятель, не поешь?»
«Затем, что голоса такого не имею,
Чтоб Феба я достойно величал, —
Сквозь слёз Чиж бедный отвечал. —
«А слабым голосом я Феба петь не смею».

Так я крушуся и жалею,
Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел.

«Чиж и Еж». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Чиж и Еж». Басня опубликована в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» в 1815 г. Написана, предположительно, между 8 апреля и 12 мая 1814 г. Окончательный текст установлен в 1825 г.

Басня является прямым откликом на вступление русских войск под предводительством императора Александра I в Париж 19 марта 1814 г. Русские поэты Державин, Карамзин, Жуковский и др. сложили в честь Александра I, как победителя Наполеона, восторженные

хвалебные стихи. Крылов по-своему отметил этой басней знаменательную победу и участие в ней российского монарха.

Мысль басни: истинно скромный человек, зная цену своих сил, не возьмется за такое дело, которого он не в состоянии будет достойно выполнить.

Феб (Аполлон) – бог в древнегреческой мифологии, охранитель стад, света, наук и искусства.

В сретенье – навстречу.

Ли́ра – древнегреческий семиструнный инструмент, под аккомпанемент которого поэты декламировали свои стихи; ныне под лирой воспринимается вообще поэзия.

Пиндар (518–438 гг. до н. э.) – знаменитый древнегреческий поэт-лирик.

Я б Александра пел – воспевал императора Александра I.

XIII

Волк и Ягненок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться.
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести: что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!»
«Помилуй, мне еще и отроду нет году, —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите:
Но я с тобой за их разведаюсь грехи».
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

«Волк и Ягненок». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Волк и Ягненок». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. О времени написания данных нет. Окончательный текст установлен в издании 1830 г.

Басня самим автором отнесена к «переводам или подражаниям». Она является обработкой басни Лафонтена «Волк и ягненок», в свою очередь восходящей к произведениям Эзопа и Федра. До Крылова в России этот сюжет разрабатывали Тредиаковский и Сумароков.

Мысль басни Крылов высказал словами, которые стали популярной крылатой фразой: «У сильного всегда бессильный виноват». Но сильный все-таки сознает в глубине души свою неправоту и старается, хотя бы только для виду, дать своему поступку законное обоснование.

Делу дать хотя законный вид и толк – желание найти хоть какой-нибудь повод к нападению на ягненка.

Светлейший – титул некоторых княжеских родов.

Кум – восприемник от купели при святом крещении, в широком смысле: друг, приятель.

Сват – так в народе взаимно называли друг друга родители и родственники жениха (или мужа) и невесты (или жены).

За их разведаюсь грехи – рассчитаюсь за грехи.

XIV Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удалыца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
«Что ж, – говорят они, – и время нам терять?
Пойдем-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерег
И, видя, что пора, идет к гостям с мешками,
Они, чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их побрали руками.

«Обезьяны». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Обезьяны». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. О времени написания данных нет.

Басня написана против подражания французской моде (в частности французской военной форме), усилившейся после заключения 8 июля 1807 г. Тильзитского мира. Сюжет басни связан с заметкой в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785 г.), в которой ска-

зано: «Ловят обезьян отчасти силою, отчасти ж хитростью. Африканцы, заклятые неприятели обезьян, которые причиняют им столько вреда их полям и домам, часто кладут для них сети на деревьях, и они при всей своей осторожности попадают в сии сети, либо взлезая на дерево, либо спускаясь с него. Также умеют весьма забавно пользоваться склонностью их к подражанию».

В басне выражена мысль, что можно перенимать опыт у других, но только сознательно и лишь хорошие нравы.

Перенимать с умом – заимствовать, подражать умно.

Кутаться – сжиматься, свертываться.

XV Синица

Синица на море пустилась;
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

«Синица». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Синица». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1811 г. Данных о времени написания не имеется. Была прочитана 3 ноября 1811 г. на заседании общества Беседа любителей русского слова. Текст басни был окончательно установлен в издании 1815 г.

В основе басни лежит русская народная пословица: «Ходила синица море зажигать: море не зажгла, а славы много наделала».

В басне выражена мысль, что не следует одним быть слишком уверенным в своих силах и хвалиться раньше времени; а другим не следует быть слишком доверчивым к хвастунам.

Нептун – моря и океан, которым повелевает древнеримский бог Нептун.

Тор – щедрый, радушный, богатый.

Наделала славы – наделала шуму, возбудила много толков.

Примолвить к речи – сказать кстати.

Ничьего не трогая лица – не говоря об отдельных личностях, конкретно никого не называя.

Не сведя конца – не окончив дела, не увидев его результатов.

XVI Осел

Когда вселенную Юпитер населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осел тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или, имея дел беремья,
В такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошал:
А вылился Осел почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осел не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться.
Но чем? Имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой
И росту стал просить большого.
«Помилуй, – говорит, – как можно это снести?
Львам, барсам и слонам везде такая честь;
Притом с великого и до меньшого
Всё речь о них лишь да о них;
За что ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких,
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с теленка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
И весь бы свет о мне заговорил».
Что день, то снова
Осел мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что, наконец, моления ослова
Послушался Зевес:
И стал Осел скотиной превеликой;
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес
Пораспугал было весь лес.
«Что то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
Ну, только и речей пошло, что про Осла.
Но чем всё кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осел:
Осел мой глупостью в пословицу вошел.
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высокость хороша;
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

«Осел». Рисунок А. Жабя. Начало XX в.

«Осел». Басня опубликована в издании «Басни» 1815 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен в издании 1834 г.

Мысль басни: для того, чтобы пользоваться почетом и любовью, недостаточно знатности происхождения и внешней красоты, необходимо также обладать высокими качествами ума и сердца.

Любопытна первоначальная редакция заключения:

Смысл этой басни мы найдем,
Когда подумаем немножко:
Не лучше ль маленькой изжить на свете мошкой,
Чем добиваться быть большим ослом.

Юпитер – в древнеримской мифологии бог неба, дневного света, грозы, верховное божество римлян.

Тварь – всякое живое существо.

С умыслу – нарочно.

Тучегонитель – прозвище Юпитера (Зевса).

Повеличаться – поважничать.

Геркулес – мифологический герой у древних римлян.

Чай – должно полагать.

XVII

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

«Мартышка и Очки». Рисунок А. Жаб. Начало XX в.

«Мартышка и Очки». Басня опубликована в сборнике басен в 1815 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен в издании 1843 г.

Мысль басни: невежда, не умея обращаться с полезной вещью, считает ее ни на что не годной. В басне высмеивается человеческое невежество, отсутствие знаний. К ней применимы

русские народные пословицы: «Дурака учить, что мертвого лечить», «Смотрит в книгу, видит фигу».

Это зло не так большой руки – народной выражение, означающее: это беда еще не так велика.

Темя – верхушка головы.

Толк – мнение, разговор, беседа.

Толк к худу клонит – старается вызвать мнение не в пользу, в худшую сторону.

XVIII

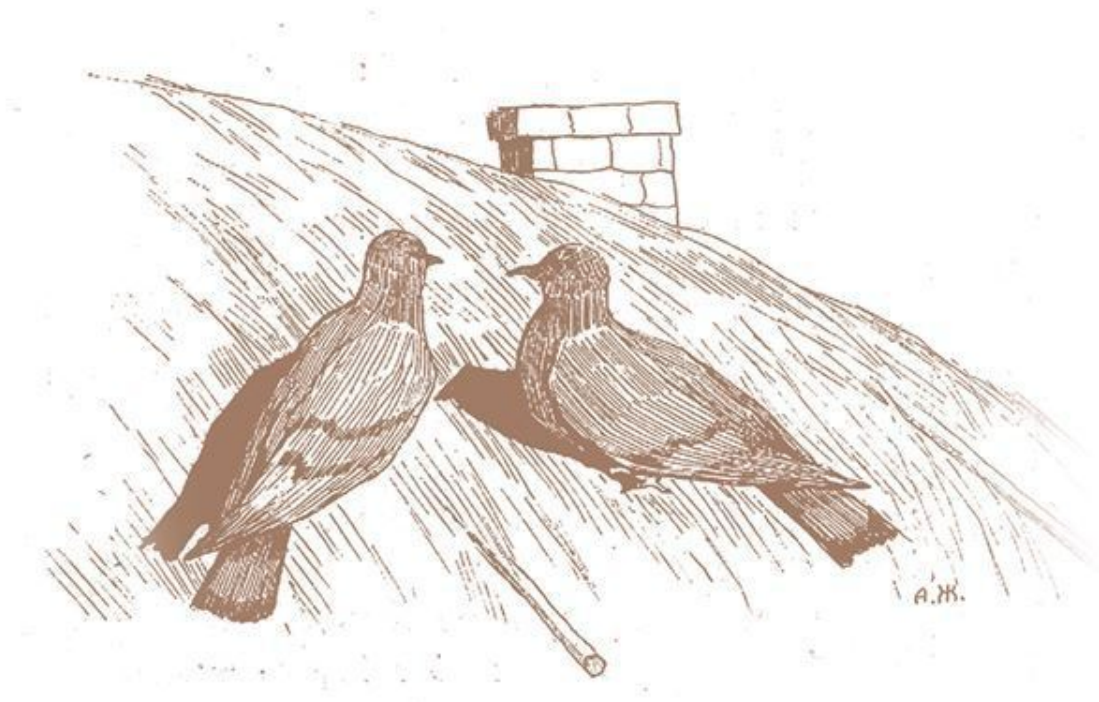
Два Голубя

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг без друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость, и печаль, всё было пополам.
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из них – лететь
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой.
«Куда ты? – говорит сквозь слёз ему другой. —
Чтó пользы по свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны,
И всё, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль:
Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и корм и скуден так, и мал;
Да, чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж еще тебе лететь, не разумею;
А я так без тебя совсем осиротею.
Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Всё стану над тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: ах! где-то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»
Растрогала речь эта Голубка;
Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать, и чувствовать мешает.
«Не плачь, мой милый, – так он друга утешает, —
Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.
Всё наскоро в пути замечу на полете,
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,
Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам, о чем повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Всё расскажу: дела ль, обычай ли какой,

Иль где какое видел диво.
Ты, слушая меня, представишь всё так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной».
Тут – делать нечего – друзья поцеловались,
Простились и расстались.
Вот странник наш летит; вдруг встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синее степь кругом.
Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;
Кой-как угнездился, прижался
К нему наш Голубок;
Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку дале стало.
Встряхнулся и летит, – летит и видит он:
В глушь под леском рассыпана пшеничка.
Спустился – в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвется, бьется;
По счастью, сеть стара: кой-как ее прорвал,
Лишь ножку вывихнул, да крылышко помял!
Но не до них: он прочь без памяти несется.
Вот, пуще той беды, беда над головой!
Отколь ни взялся ястреб злой;
Не взвидел света Голубь мой!
От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы вкоротке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распущены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орел, с небес направля свой полет,
Ударил в ястреба всей силой —
И хищник хищнику достался на обед.
Меж тем наш Голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнем.
Но тем еще не кончилось на нем:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребенок, черепком наметя в Голубка, —
Сей возраст жалости не знает, —
Швырнул и раскроил висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Кляня охоту видеть свет,
Поплелся кое-как домой без новых бед.
Счастливы еще: его там дружба ожидает!
К отраде он своей,
Услуги, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.

О, вы, которые объехать свет вокруг

Желанием горите!
Вы эту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг.
Чтоб ни сулило вам воображение ваше;
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

«Два Голубя». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Два Голубя». Басня опубликована в первом сборнике басен Крылова в 1809 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен в издании 1843 г.

Басня самим автором отнесена к «переводам или подражаниям». Она является обработкой басни Лафонтена «Два голубя», тема которой последним заимствована из персидской литературы. До Крылова в России этот сюжет был разработан Сумароковым, Хвостовым и Дмитриевым.

Крылов говорит в басне о том, что нет земли лучше и приятнее милой родины, с которой связаны все воспоминания прежней жизни, и где живут самые близкие, дорогие сердцу люди.

Земной круг – тоже, что и земной шар, земля.

Поверить быль с молвой – набираться такого опыта, чтобы уметь отличать действительность от сомнительного, воображаемого мира.

Силок – ловушка для птиц, петля, сделанная на длинной веревке из конских волос, привязанная к палке или дереву и способная завязаться узлом, если ее слегка потянуть.

Черепком наметя – прицеливаясь черепком, т. е. осколком разбитой посуды.

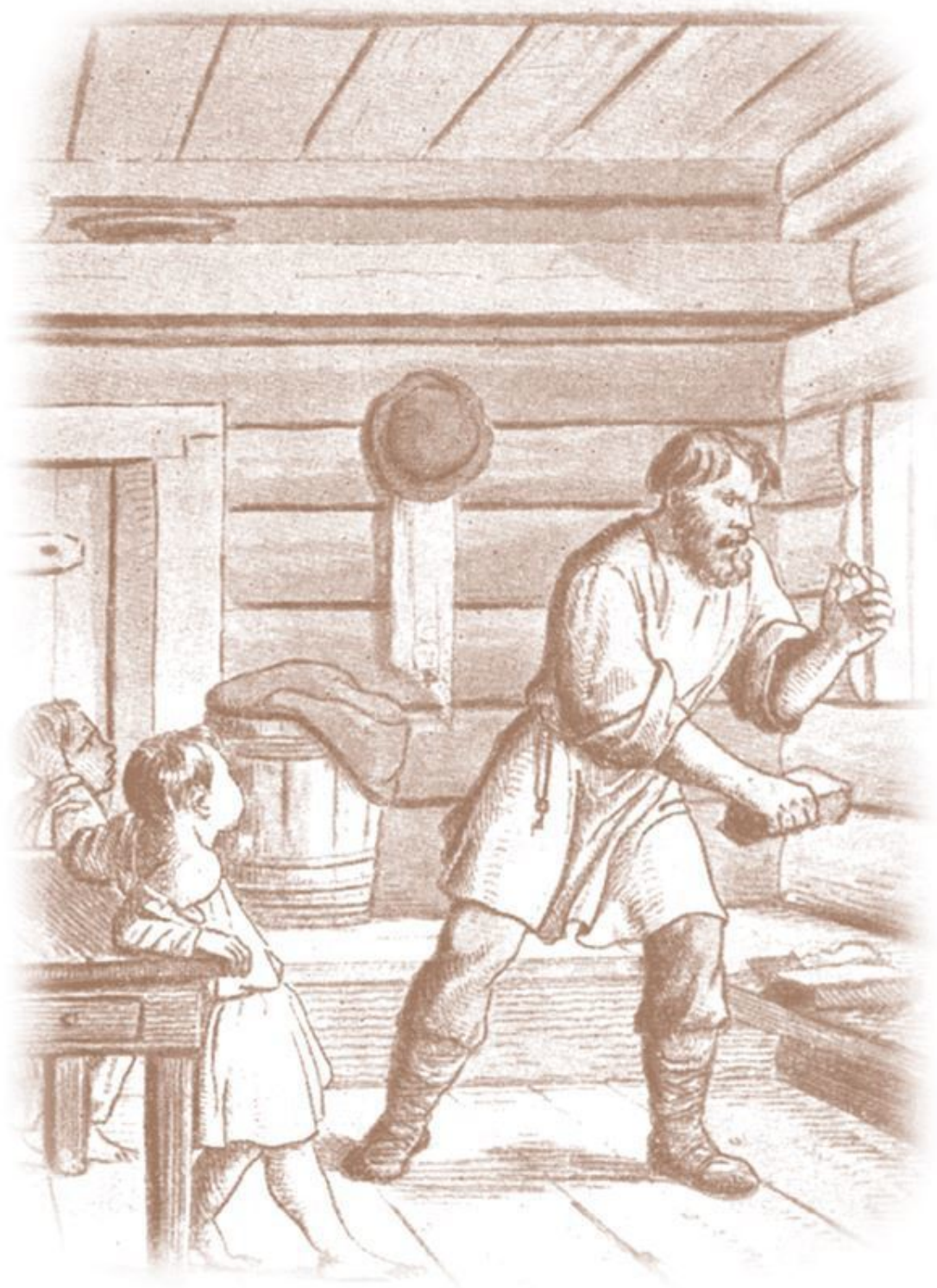
К отраде – к удовольствию, к радости.

XIX

Червонец

Полезно ль просвещение?
Полезно, слова нет о том.
Но просвещением зовем
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравов развращенье:
Так надобно гораздо разбирать,
Как станешь грубости кору с людей сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них не растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить нравы,
Не разлучить их с простотой
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.
Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать ее намерен вам.

Мужик, простак, каких везде немало,
Нашел Червонец на земли.
Червонец был запачкан и в пыли;
Однако ж пятаков пригоршни трои
Червонца на обмен крестьянину дают.
«Постой же, – думает мужик, – дадут мне вдвое;
Придумал кой-что я такое,
Что у меня его с руками оторвут».
Тут, взяв песку, дресвы и мелу,
И натолокши кирпича,
Мужик мой приступает к делу.
И со всего плеча
Червонец о кирпич он точит,
Дресвой дерет,
Песком и мелом трет;
Ну, словом, так, как жар, его поставить хочет.
И подлинно, как жар, Червонец заиграл:
Да только стало
В нем весу мало,
И цену прежнюю Червонец потерял.

«Червонец». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Червонец». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1812 г. Данных о времени написания не имеется. Окончательный текст басни был установлен в 1825 г.

В.Ф. Кеневич связывает сюжет басни с докладом министра народного просвещения графа Ал. К. Разумовского от 25 мая 1811 г., вошедшего в «Полное собрание законов Российской империи». В нем говорилось: «В отечестве нашем давно простерло корни свои воспи-

тание, иноземцами сообщаемое... Все почти пансионы в империи содержатся иностранцами, которые редко бывают с качествами, для звания сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране, для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиян образуют иностранца».

В басни выражена мысль, что просвещение приносит человеку пользу лишь тогда, когда оно не уничтожает его хороших природных свойств, не отлучает его от доброй простоты.

Червонец – золотая монета трехрублевого достоинства.

Слова нет – нет сомнения.

Прельщение – увлечение.

Гораздо разбирать – рассматривать хорошо, внимательно.

Дресва – крупный песок.

XX Троеженец

Какой-то греховодник
Женился от живой жены еще на двух.
Лишь до Царя о том донесся слух
(А Царь был строг и не охотник
Таким соблазнам потакать),
Он Многоженца вмиг велел под суд отдать,
И выдумать ему такое наказание,
Чтоб в страх привести народ,
И покуситься бы никто не мог вперед
На столь большое злодеянье:
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повешу тут же всех судей вокруг стола».
Судьям худые шутки:
В холодный пот кидает их боязнь.
Судьи толкуют трои сутки,
Какую б выдумать преступнику им казнь.
Их есть и тысячи; но опытами знают,
Что все они людей от зла не отучают.
Однако ж, наконец, их надоумил бог.
Преступник призван в суд для объявления
Судейского решения,
Которым, с общего сужденья,
Приговорили: жен отдать ему всех трех.
Народ суду такому изумился
И ждал, что Царь велит повесить всех судей;
Но не прошло четырех дней,
Как Троеженец удавился:
И этот приговор такой наделал страх,
Что с той поры на трех женах
Никто в том царстве не женился.

«Троеженец». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Троеженец». Басня опубликована в журнале «Сын Отечества» в 1814 г. Написана между 14 апреля и 30 июня 1814 г. Текст окончательно был установлен в издании 1825 г.

Басня вызвана бракоразводным процессом военного историка и видного чиновника Е.Б. Фукса (1762–1829). В какой мере разглашены были данные этого процесса, видно из письма К.Я. Булгакова, написанного много лет спустя: «К вчерашним новостям прибавить, кажется, нечего, разве только что Фукс, известный историею Суворова, а более еще процессам своим по двум женам, умер от удара».

В.Ф. Кеневич вспоминал: «Покойный Н.И. Греч рассказывал нам, что эта басня была написана по поводу производившегося тогда в сенате разводного дела Егора Борисовича Фукса, который разведясь с первой женою и, не дождавшись окончания дела, возникшего по поводу его развода со второю, перешел из лютеранского вероисповедания в православное и вступил в третий брак. В общем собрании сената, которое, по высочайшему повелению, рассматривало это дело не в очередь, кто-то из сенаторов сказал: “Что же нам рассуждать об этом? Крылов прежде нас решил дело”. Фукс очень был оскорблен появлением в печати басни и совершенно прервал знакомство с Гречем, редактором и издателем “Сына Отечества”».

В басне выражена мысль, что часто преступник находит достойную себе кару в своем же собственном грехе.

Греховодник – вводящий другого человека в грех.

Покуситься – решиться, отважиться на что-либо.

В холодный пот – в ужас, в страх.

XXI Безбожники

Был в древности народ, к стыду земных племен,
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился.
Мятежные толпы, за тысячью знамен,
Кто с луком, кто с пращей, шумя, несутся в поле.
Зачинщики, из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг, и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор камнями нетрудно
На небо дошвырнуть в богов
И заметать Олимп стрелами.
Смутясь дерзостью безумцев и хулами,
К Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
Чтобы беду он отвратил;
И даже весь совет богов тех мыслей был,
Что, к убеждению бунтующих, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом гром,
Или хоть каменным ударить в них дождем.
«Пождем, —
Юпитер рек, — а если не смирятся
И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,
Они от дел своих казнятся».
Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богомятежных,
Но с тысячью смертей, и злых, и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы.

«Безбожники». Гравюра С. Галактионова по рисунку И. Иванова. 1815

«Безбожники». Басня опубликована в сборнике басен в 1815 г. Написана в 1813 г. Текст окончательно был установлен в издании 1830 г.

В басне выражена мысль, что безверие приносит гибельные плоды. Под безбожным народом Крылов подразумевал французов, переживших ужасы революции и тяжелых наполеоновских войн. Главной причиной их бед баснописец видел в упадке религиозного духа.

Праща – ручное оружие из ремня или веревки, сложенных петлею, в которую кладется камень, и он бросается с такой силой, что может убить человека.

Заметать – забросить.

Олимп – гора в Греции, где по древнегреческой мифологии пребывают боги.

Зевес (Зевс) – в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, повелевающий всем миром.

Отвратил – удалил.

Трус – землетрясение, сильная буря, способные навести ужас и трепет.

Прекосят – останутся на долгое время.

XXII Орел и Куры

Желая светлым днем вполне налюбоваться,
Орел поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии роятся.
Спустившись, наконец, из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у Царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,
Иль не было вблизи ему по чину сесть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что́ за мысль, но только что Орел
Немного посидел
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
«За что́ Орлы в чести такой?
Неужли за полет, голубушка соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперед такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,
Что по́низу они летают так, как куры».
Орел отвечает, наскуча вздором тем:
«Ты права, только не совсем.
Орлам случается и ниже кур спускаться;
Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты, —
Считать их слабости трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что́ в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

«Орел и Куры». Рисунок И. Панова. 1911

«Орел и Куры». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен в издании 1834 г.

На похожий сюжет написана басня Дмитриева «Орел и каплун» (1806 г.).

Мысль басни в том, что талант может иногда опуститься со своих высот и до обыкновенного уровня, временно себя не проявлять, но посредственность всегда останется на своем низком уровне, сколько бы она не шумела о своих высоких дарованиях.

Овин – строение для сушки сжатого хлеба.

Насесток (насест) – протянутые над землей жерди, на которые усаживаются на ночлег куры.

Отвѣтствует – отвечает.

Книга вторая

И. А. Крылов. Гравюра И. Ческого по рисунку Е. Эстеррейха. 1815

I

Лягушки, просящие Царя

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей однако ж раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком:
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит всё по милости своей.
Немного погода, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки новое челобитьё,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемя,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.

Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
 Нет правых никого;
 Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.
 На жителей болот
 Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
 И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и – проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье, и стон,
 Чтоб им Юпитер снова
 Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные, – вещал им с неба глас, —
 Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? – так тот был слишком тих:
 Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан – так этот очень лих:
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

«Лягушки, просящие Царя». Гравюра Ж. Гранвиля к одноименной басне Лафонтена

«Лягушки, просящие Царя». Басня опубликована в сборнике «Басни» в 1809 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1843 г.

Басня самым автором была отнесена к числу «переводов или подражаний». Она представляет собой переработку басни Лафонтена с тем же заглавием, в свою очередь восходящей к басне Эзопа. До Крылова в России тот же сюжет разрабатывал В.И. Майков.

В басне выражена мысль, что надо довольствоваться тем, что бог послал.

Пособить – помочь.

Не сродно – не соответствует положению, привычкам.

Зевес (Зевс) – в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, повелевающий всем миром.

Ходень – предмет, находящийся в непрерывном движении.

Аир – болотное растение, похожее на камыш.

Осока – колосистая трава, растущая на болотистых местах.

Юпитер – бог в древнеримской мифологии, похожий на Зевса.

Черный год – плохое время.

Лих – зол, боек, проворен.

II Лев и Барс

Когда-то, в старину,
Лев с Барсом вел предолгую войну
За спорные леса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правам – не тот у них был нрав;
Да сильные ж в правах бывают часто слепы.
У них на это свой устав:
Кто одолеет, тот и прав.
Однако, наконец, не вечно ж драться —
И когти притупятся:
Герои по правам решились разобраться;
Намерились дела военны прекратить,
Окончить все раздоры,
Потом, как водится, мир вечный заключить
До первой ссоры.
«Назначим же скорей
Мы от себя секретарей, —
Льву предлагает Барс, – и как их ум рассудит,
Пусть так и будет.
Я, например, к тому определю Кота:
Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста;
А ты Осла назначь: он знатного же чина,
И, к слову молвить здесь,
Куда он у тебя завидная скотина!
Поверь, как другу, мне: совет и двор твой весь
Его копытца вряд ли стоят.
Положимся ж на том,
На чем
С моим Котишком он устроит».
И Лев мысль Барса утвердил
Без спору;
Но только не Осла, Лисицу нарядил
Он от себя для этого разбору,
Примолвя про себя (как видно, знал он свет):
«Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет».

«Лев и Барс» Рисунок Н. Денисова. 1898

«Лев и Барс». Басня опубликована в сборнике «Басни» 1815 г. Данных о времени написания нет. Текст басни был окончательно установлен в издании 1835 г.

В.Ф. Кеневич сообщал: «Как самый смысл басни показывает, Крылов в ней говорит о назначении какого-то лица в дипломатическую должность; но без прямых указаний невозможно сказать, о ком именно идет речь».

Мысль басни выражена в последней строчке: «Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет».

Дебрь – непроходимое место в лесах.

Вертеп – пещера, подземный скрытый притон.

Двор – высочайшие особы и служащие при них чиновники.

Нарядил – назначил, поставил.

Знал свет – знал людей, жизнь, людские дела и недостатки.

III

Вельможа и Философ

Вельможа, в праздный час толкуя с Мудрецом
О том, о сём,
«Скажи мне, – говорит, – ты свет довольно знаешь,
И будто в книге, ты в сердцах людей читаешь:
Как это, что мы ни начнем,
Суды ли, общества ль учены заведем,
Едва успеем оглянуться,
Как первые невежи тут вотрутся?
Ужли от них совсем лекарства нет?»
«Не думаю», сказал Мудрец в ответ, —
И с обществами та ж судьба (сказать меж нами),
Что с деревянными домами».
«Как?» – «Так же: я вот свой достроил сими днями;
Хозяева в него еще не вобрались,
А уж сверчки давно в нем завелись».

«Вельможа и Философ». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Вельможа и Философ». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1815 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1815 г.

По предположению академика Я.К. Грота, басня была направлена против графа Д.И. Хвостова, ставшего активным членом Беседы любителей русского слова.

В басне выражена мысль, что проныра ухитряется пролезать повсюду.

Вотрутся – влезут.

Ужли – неужели.

От них лекарства нет – нет средств против них, против их назойливости.

IV Мор Зверей

Лютейший бич небес, природы ужас – мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настежь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор:
Везде разметаны ее свирепства жертвы:
Неумолимая, как сено косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх,
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
Им и еда на ум нейдет.
С голубкой голубь врознь живет,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?
В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Ташатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О, други! – начал Лев, – по множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чем погрешил когда он вольно, иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь – хоть это мне и больно —
Не прав и я!
Овечек бедненьких – за что? – совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда – кто без греха?
Случалось, драл и пастуха:
И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть,

Того бы в жертву и принести, —
И было бы богам то более угодно».
«О, царь наш, добрый царь! От лишней доброты, —
Лисица говорит, — в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
Их чаще так учить — им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет».
Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черёд
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клоч сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и телá нам спасть, и нравы от заразы!
Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват.

«Мор Зверей». Рисунок В. Серова. 1895–1911

«Мор Зверей». Басня опубликована в сборнике «Басни» 1815 г. Данных о времени написания нет. Текст был окончательно установлен в издании 1843 г.

Басня самым автором была отнесена к числу «переводов или подражаний». Она представляет собой переработку басни Лафонтена «Больные чумою животные», источником которой, в свою очередь, послужили проповеди французского проповедника Ролена. В России этот сюжет до Крылова разрабатывали Н.В. Леонтьев (1766 г.), Княжин, Хвостов и князь Д.П. Горчаков (1806 г.).

В басне выражена мысль, что у плутов всегда виноват самый беззащитный, слабый.

Мор – смертельная зараза, эпидемия.

Разметаны – разбросаны.

На носу – очень близко.

В помине нет – нет ничего.

Сбредись – сошлись с разных сторон.

Уставили глаза и приложили уши – внимательно всматривались и вслушивались.

Дирал – рвал, губил.

Бьем челом – покорно просим.

На перехват – перебивая один другого.

Стянул – украл, похитил.

Спасть – спасти.

V Собачья дружба

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем —
Так рассуждать они пустились вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О хude, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что́ может, — говорит Полкан, — приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,
И в дружном счастье всё свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».
«А что́ же? это дело! —
Барбос отвечает ему. —
Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней;
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».
«Явим же в ней пример мы в наши времена, —
Вскричал Полкан, — дай лапу!» — «Вот она!»
И новые друзья ну, обниматься,
Ну, целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад!» Прочь свары, зависть, злость!
Тут повар на беду из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет, и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся, —

Лишь только клочья вверх летят:
Насилу, наконец, их рóзлили водою.

Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у них душа,
А только кинь им кость, так чтó твои собаки!

«Собачья дружба». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Собачья дружба». Басня опубликована в сборнике «Басни» 1815 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1825 г.

По предположению В.Ф. Кеневича, басня имеет в виду безуспешность мирных переговоров Венского конгресса 1814–1815 гг., где интересы держав, одержавших победу над Францией, так перепутались, что они перессорились и превратились во врагов по отношению друг к другу.

В басне выражена мысль, что между людьми бывает, что на словах они – лучшие друзья, готовые друг для друга на любую жертву, но лишь дело у них коснется наживы, и дружбе конец – прежние приятели становятся злейшими врагами.

Не спить – не выпить.

Стоять горою – стоять крепко, твердо защищать.

Улучить час – выбрать удобное время.

Явим – покажем, обнаружим.

Орест – сын царя Агамемнона, предводителя греков в Троянскую войну.

Пилад – племянник Агамемнона. Орест и Пилад находились между собой в теснейшей дружбе, которая сделала их имена нарицательным названием истинных друзей.

VI Раздел

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар, —
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
«Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом! —
Кричит один из них. — Ступайте,
А счета после мы сведем!»
«Мне только тысячу мою сперва додайте, —
Шумит другой, —
Я с места не сойду долой».
«Мне две не додано, а вот тут счета ясны», —
Еще один кричит. «Нет, нет, мы не согласны!
Да как, за что, и почему!»
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

«Раздел». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Раздел». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1813 г. Данных о времени написания нет. Текст басни был окончательно установлен в издании 1825 г.

Рукопись украшена наброском профиля военного, напоминающего портрет московского главнокомандующего в 1812 г. графа Ф.В. Ростопчина. Басня относится к событиям Отече-

ственной войны, изображая дворян и чиновников, которые затевали споры в тяжелую годину всеобщего бедствия, не переставали думать о своих выгодах, когда требовался дружный отпор общему врагу. Например, граф Ростопчин вышел из московского ратнического комитета с досады, что московский комитет был подчинен петербургскому, во главе которого стояли граф Аракчеев, Балашов и Шишков.

В басне выражены мысль, что люди часто гибнут оттого, что во время несчастья спорят друг с другом, каждый думает о своей выгоде вместо того, чтобы общими усилиями защищаться от беды.

Денег гору – много денег.

Сведем счета – окончим расчет.

Проказники – шалуны. Крылов часто называет проказниками тех, кто поступает дурно, ошибочно.

VII

Бочка

Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бочкою его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе – вещь святая!
Вот, если б дело шло о деньгах, речь иная:
Тут дружба в сторону, и можно б отказать;
А Бочки для чего не дать?
Как возвратилась она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И всё бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином,
Что винный дух пошел от ней во всем:
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном.
Хозяин бился с ней близ году:
То выпарит, то ей проветриться дает;
Но чем ту Бочку ни нальет,
А винный дух всё вон нейдет,
И с Бочкой, наконец, он принужден расстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напиться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,
А всё им будешь отзываться.

Картина И. Грибкова «Водовоз». 1873

«Бочка». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1815 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1831 г.

По мнению В.Ф. Кеневича басня направлена против мистицизма. Это толкование подверг критике историк русской словесности А.Д. Галахов. По его мнению, басня, в первую очередь, предостерегает против чуждого национальным интересам России космополитического воспитания, осуществлявшегося педагогами-иностранцами.

В басне выражена мысль, что очень трудно искоренить недостатки, которые человек приобрел в молодости.

Ссудил – дал взаимнообразно, одолжил на время.

Дружбы в сторону – дружбе конец.

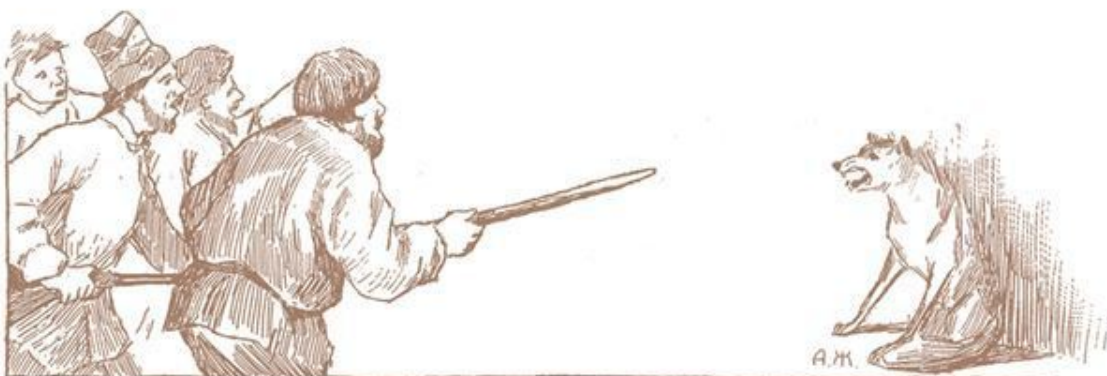
Выпарить – кипятком выводить дурной запах из деревянной посуды.

Напитаться учением – глубоко проникнуться учением.

VIII

Волк на псарне

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
 Попал на псарню.
 Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
 Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
 И вмиг ворота на запор;
 В минуту псарня стала адом.
 Бегут: иной с дубьем,
 Иной с ружьем.
«Огня! – кричат, – огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
 Зубами шелкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
 Но, видя то, что тут не перед стадом,
 И что приходит, наконец,
 Ему расчесться за овец, —
 Пустился мой хитрец
 В переговоры,
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
 Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я...» – «Послушай-ка, сосед, —
 Тут Ловчий перервал в ответ, —
 Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
 Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

«Волк на псарне».

Рисунок А. Жаб. Начало XX в.

«Волк на псарне». Басня опубликована в журнале «Сын Отечества» в 1812 г. Написана в самом начале октября 1812 г. Текст окончательно установлен в издании 1825 г.

В образах Ловчего в Волка изображены М.И. Кутузов и Наполеон. Непосредственным поводом к написанию басни явились попытки Наполеона, занявшего Москву, заключить в конце сентября 1812 г. выгодный для него мир. Неудачная миссия французского генерала Лористона (отказ Кутузова вести мирные переговоры на данном этапе войны) состоялась 23 сентября (5 октября) 1812 г. Басня была закончена при получении известия о поражении французских войск под Тарутиным 6 (18) октября. После сражения под Красным Кутузов лично прочитал окружавшим его офицерам только что полученную из Петербурга рукопись басни.

В басне выражена мысль, что не следует доверять искренности закоренелого во зло человека; в беде он притворяется кротким и уступчивым, но лишь беда пройдет, он снова примется за злое дело.

Под влиянием этой басни появилась пословица: «Поджал хвост, что волк на псарне».

Овчарня – хлев для овец.

Псарня – хлев для псов (собак).

Залились – громко залаяли.

Ощетиня шерсть – подняв ее в гневе так, как торчит щетина на хребте у свиньи.

Расчесться – расплатиться, быть наказанным.

Уставим общий лад – установим мир, согласие.

Ловчий – главный псарь, заведующий псовой охотой.

IX Ручей

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
 Ягненок у него любимый
 Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
«Река насытая! что́, если б дно твое
 Так было, как мое
 Для всех и ясно, и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сем дне
Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я, чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
 И в темных пропастях себя сокрыла.
 Мне кажется, когда бы мне
 Дала судьба обильные столь воды,
 Я, украшеньем став природы,
 Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки, и каждого кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
 Но с них бы не унес листочка.
Ну, словом, делая путем моим добро,
 Не приключая нигде ни бед, ни горя,
 Вода моя до самого бы моря
 Так докатилась чиста, как серебро».
Так говорил Ручей, так думал в самом деле.
 И что́ ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
 Расселась:
Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой.
 Но, ах! куда в Ручье смиренность делась?
 Ручей из берегов бьет мутною водой,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы,
 Столетние валяет дубы,
 Лишь трески слышны вдалеке;
 И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он таким кудрявым складом,
 Погиб со всем своим в нем стадом,
 А хижины его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смирно, гладко,
 И так журчат для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало в них воды!

«Ручей». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Ручей». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1812 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1830 г.

Сохранились воспоминания об особой любви Крылова к этой басне. Драматург и историк литературы М.Е. Лобанов вспоминал о Крылове: «Наблюдая человека и заглядывая в историю, автор видел, как трудно людям при возрастающем их могуществе удержаться в прежних своих границах любви и умеренности; что они большей частью по какому-то неизъяснимому действию их страстей, не могут устоять ни в прежних своих правилах, ни в прежних добродетельных наклонностях. Наш автор излагает и оплакивает эту печальную истину».

В басне выражена мысль, что многие ведут себя смиренно до тех пор, пока слабы их силы, ничтожно их значение; но стоит лишь им набраться сил и получить в свои руки власть, как от прежнего смирения не останется и следа.

Тенистое дно – покрытой тиной, то есть водяным мхом; смешиваясь с илом, тина образует вязкое топкое дно.

Я чай – я думаю.

Не приключа – не принося, не причиняя.

Туча ливная – густая туча, из которой дождь льет ливнем.

Пенял – роптал, жаловался, плакался.

Кудрявым складом – возвышенным слогом, красноречиво, витиевато.

Х Лисица и Сурок

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки!» —
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько».
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

«Лисица и Сурок». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Лисица и Сурок». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1813 г. Данных о времени написания нет. Текст более не изменялся.

В басне выражена мысль, что плут тщательно скрывает свои грехи, прикидываясь глубоко честным человеком, и жалуется на людскую несправедливость, когда получает достойное наказание за свои дурные поступки.

Сурок – зверек-грызун величиной с кошку, живущий в подземных норках.

Без оглядки – очень быстро, не оглядываясь.

Напраслина – несправедливое обвинение, клевета.

На тебя пошлюся – будь свидетелем.

Рыльце – рыло, морда. Рыльцо у лисы в пуху от кур, которых она съедает.

При месте – имея должность, службу.

Приход с расходом свести – сравнить одно с другим.

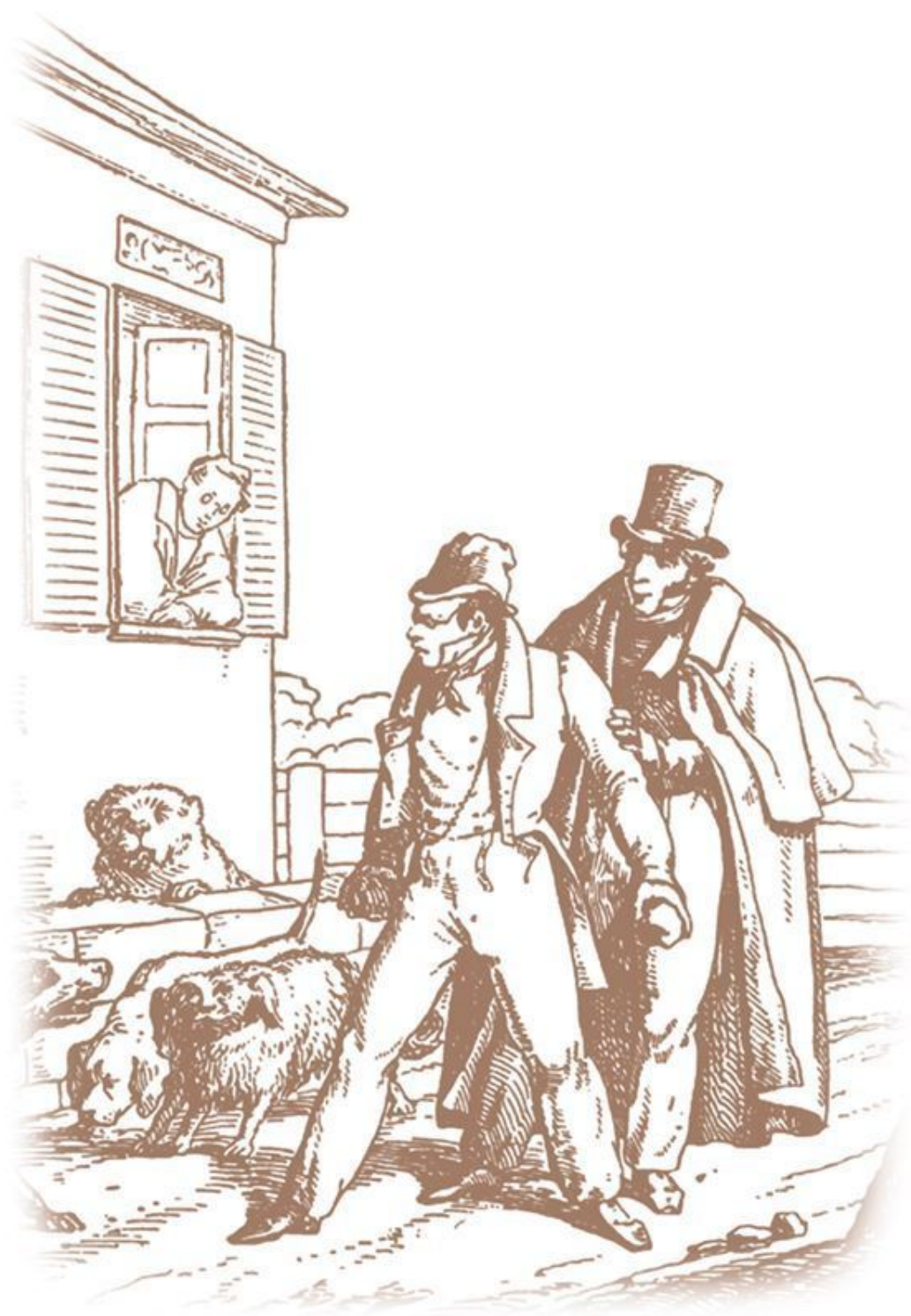
У него пушок на рыльце есть – он позволяет себе брать взятки.

XI

Прохожие и Собаки

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
«И, полно, братец! – тут другой ему сказал. —
Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

«Прохожие и Собаки». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Прохожие и Собаки». Басня опубликована в сборнике «Басни» 1815 г. Написана до 11 января 1814 г. Текст окончательно установлен в издании 1830 г.

Предположительно басня направлена против хулителей творчества Крылова, в частности, против М.Т. Каченовского, резко критиковавшего в 1812 г. в «Вестнике Европы» сборник басен Крылова 1811 г.

В басне выражена мысль, что завистливые люди бранят все, что ни увидят у другого; самое лучшее – идти своей дорогой и не обращать на них никакого внимания.

Подворотня – свободное место между нижним краем ворот и землею; в просторечии: собачий лаз.

Не уймешь – не удержишь.

Пуще – больше, сильнее.

Натура – характер, нрав, привычки.

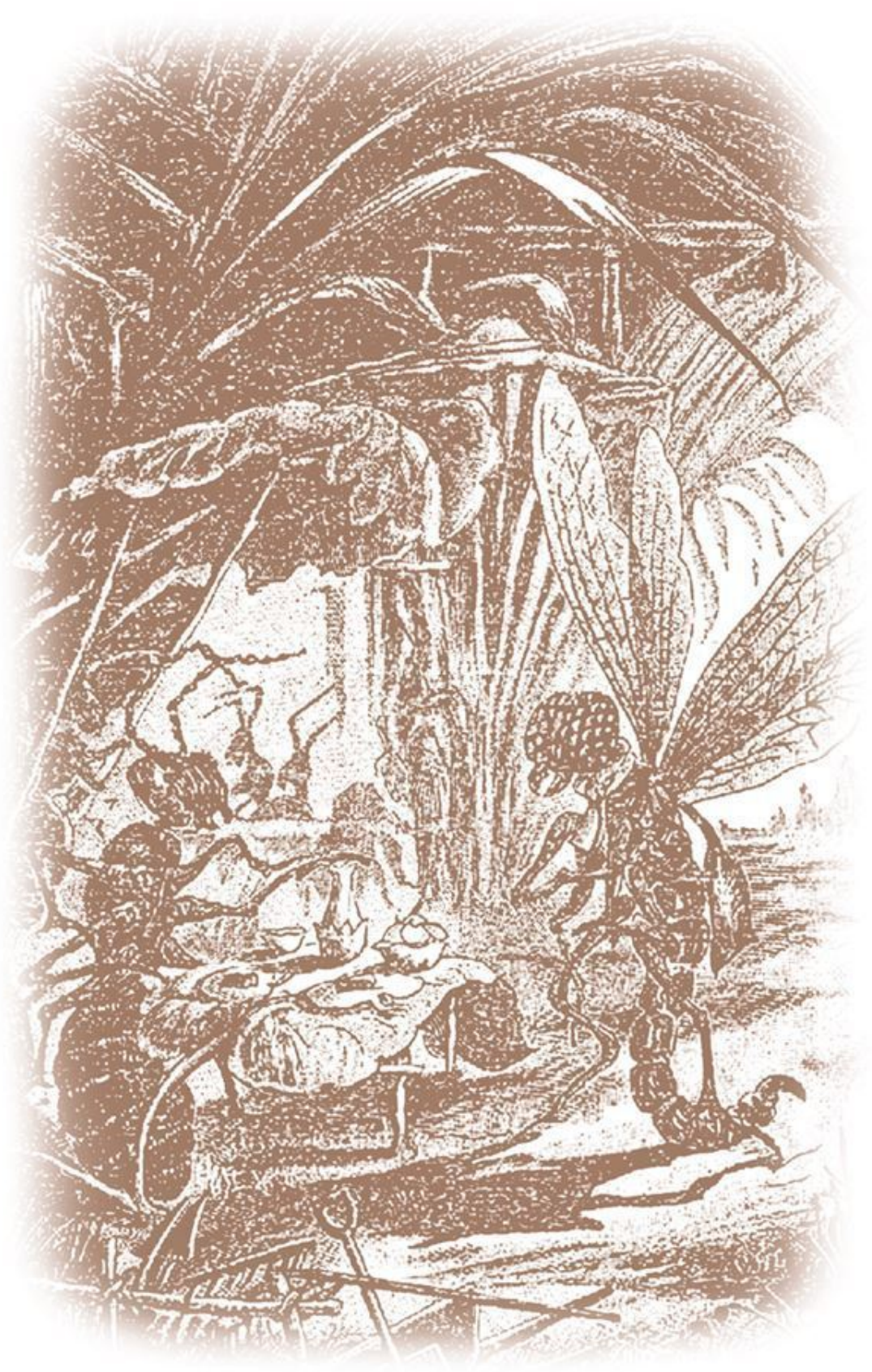
Подлинно – верно, истинно.

Помалу – понемногу.

XII

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела».
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

«Стрекоза и Муравей». Рисунок Н. Денисова. 1898

«Стрекоза и Муравей». Басня опубликована в журнале «Драматический вестник» в 1808 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен в издании 1815 г.

Басня самим автором была отнесена к числу «переводов или подражаний». Она представляет собой переработку басни Лафонтена «Кузнечик и муравей», в свою очередь обращавшему к одноименной басне Эзопа. До Крылова в России этот сюжет разрабатывали Сумароков, Хемницер (у обоих – «Стрекоза») и анонимные авторы в журнале «Прохладные часы» (1793 г.).

«Стрекоза и Муравей» – единственная басня Крылова, написанная размером **хорея**, то есть двусложными стопами с ударением в первом слоге. Остальные его басни написаны **ямбом**, то есть также двусложными стопами, но с ударением на втором слоге.

В басне выражена мысль, что человеку следует трудиться и заботиться о своем будущем, а не предаваться одним удовольствиям и наслаждениям.

Катит – быстро приближается.

Помертвело поле – на поле не осталось ничего живого: ни растений, ни животных.

Стол и дом – пища и приют.

Удручена – измучена.

Вешние – весенние.

Мурава – густая сочная трава на корню.

Голову вскружило – потеряла рассудительность.

Без души – не помня себя от восторга.

ХІІІ Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилагал.
«Нет, – говорит, – что́ я видал,
Того уж не увижу боле.
Что́ здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что́ есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что́ там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
«Что́ за диковина! – приятель отвечал. —
На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».
«А какова у вас река?»
«Да не мелка.
Так, видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?»
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».
«Поверить трудно!
Однако ж как ни чудно,
А всё чудён и мост, по коем мы пойдём,

Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста, да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за дома:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!»
«Пусть так, но всё признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усестся можно.
Однако ж, мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
«Послушай-ка, – тут перервал мой Лжец, —
Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

«Лжец». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Лжец». Басня опубликована в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» в 1812 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1840 г.

Басня с подобным содержанием есть у немецкого баснописца Геллерта. В русской литературе похожую тему до Крылова разрабатывали Сумароков («Хвастун», «Господин-лжец»), Хемницер («Лжец») и В. Левшин («Лгун»).

Предположительно, поводом для сочинения басни послужил случай в Английском клубе Петербурга. Приезжий помещик, любивший приврать, рассказывал о стерлядях, которых ловят на Волге. Преувеличивая их длину, он уверял: «Раз перед самым моим домом мои люди вытащили стерлядь. Вы не поверите, но уверяю вас, длина ее вот отсюда до...» Помещик, не договаривая фразы, протянул руку с одного конца длинного стола по направлению к другому, где сидел Крылов, который, схватившись за стул, сказал: «Позвольте, я отодвинусь, чтобы пропустить вашу стерлядь».

В басне выражена мысль, что лгун из пустого тщеславия любит поразить слушателя вымышленными рассказами о виденных им чудесах.

Прильгаль – прибавлял лжи.

Не знаешь век – никогда не знаешь.

Не вспомнюсь – не могу прийти в себя от удивления.

Коль – если.

Как вещи есть – какие бывают предметы.

За нужду – с трудом.

Мост-ат – приставочная частица *ат* – остаток указательного местоимения *тот*.

XIV

Орел и Пчела

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлен одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вкруг цветка,
Сказал Орел однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
Да кто же после разберет
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду засеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».

Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да прѣдлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

«Орел и Пчела». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Орел и Пчела». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1813 г. Написана до 4 декабря 1811 г., когда была прочитана на заседании Беседы любителей русского слова. Текст окончательно установлен в издании 1843 г.

Н.В. Гоголь писал: «В книге Крылова всем есть уроки, всем степеням в государстве, начиная от высшего сановника и до последнего труженика, работающего в низших рядах государственных, которому указывает он на высокий удел в виде пчелы, не ищущей отличать своей работы. Слова эти останутся доказательством вечным, как благородна была душа самого Крылова».

В басне выражена мысль, что человеку следует работать на общую пользу даже тогда, когда его труд мало замечен другими, и его, скромного и честного труженика, не ожидает ни громкая слава, ни всеобщая благодарность.

Кто на чреде трудится знаменитой – чей труд всем известен.

Свидетель целый свет – у всех на виду.

В низости сокрытый – никем не замечаемый.

Оживлен мыслью – воодушевлен мыслью.

Со всеми наряду – ничем не отличаясь от других.

Да продлит Зевес свои щедроты – да дарует тебе бог долгую счастливую жизнь.

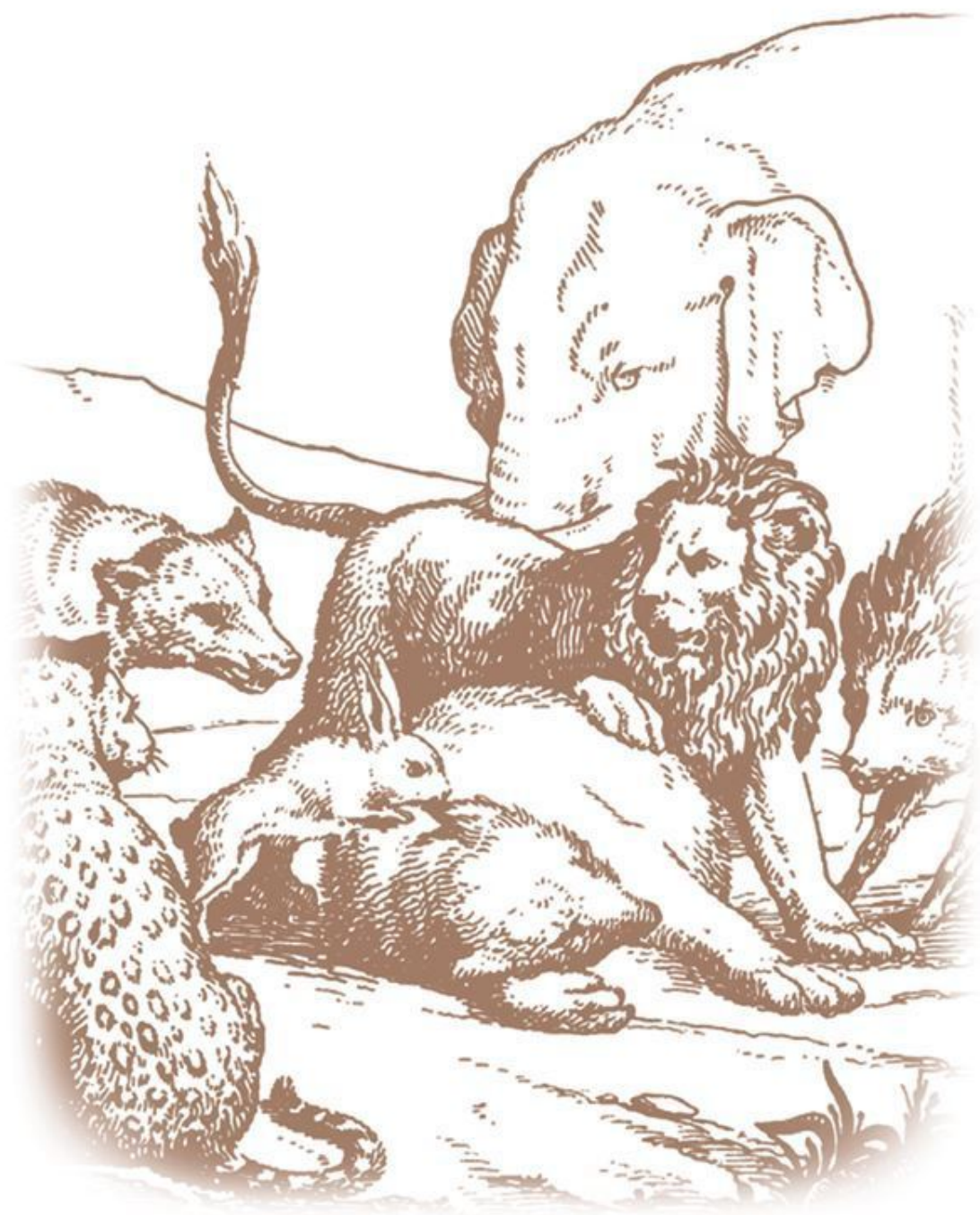
Труды несть – трудиться, работать.

XV

Заяц на ловле

Большой собравшись гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой, —
Кричат ему, — пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».
«Вот, братцы! – Заяц отвечал. —
Да из лесу-то кто ж, – всё я его пугал
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка!»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

«Заяц на ловле». Рисунок А. Сапожникова. 1834

«Заяц на ловле». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1813 г. О времени написания данных нет. Текст позднее не подвергался изменениям. Мысль басни выражена в двух последних строчках:

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

На ловле – на охоте.

Косой – прозвище зайца; но он вовсе не косит глазами, а смотрит боком, потому что глаза у него по сторонам головы.

Пожаловал – пришел.

Отколе? – откуда?

Поставил – доставил, пригнал.

XVI

Щука и Кот

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кобачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить. —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».
«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

«Щука и Кот». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Щука и Кот». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1813 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен в издании 1843 г.

По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, басня направлена против адмирала П.В. Чичагова (1765–1849), упустившего возможность пленения Наполеона во время переправы последнего через реку Березину 14 (26) ноября 1812 г. Чичагов отклонился от направления, по которому отступал Наполеон, при этом потерял обозы, канцелярию, а многие больные и раненые его войска погибли от пожара.

В басне выражена мысль, что человек должен приниматься только за такое дело, которое он изучал и хорошо знает.

Коль – если.

Печи – печь.

Тачать – шить.

Лукавый – бес, дьявол, нечистый дух.

Рыбный стол – рыбная пища.

Засели – спрятались, притаились.

Замертво – без чувств, почти мертвой.

И дельно – и хорошо, и прекрасно.

XVII

Волк и Кукушка

«Прощай, соседка! – Волк Кукушке говорил. —
Напрасно я себя покоем здесь манил!
Всё те ж у вас и люди, и собаки:
Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
Так не минуешь с ними драки».
«А далеко ль соседу путь?
И где такой народ благочестивой,
С которым думаешь ты жить в ладу?»
«О, я прямехонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают, что война;
Как агнцы, кротки человеки,
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья, все друг с другом поступают,
И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают.
Скажи ж сама, голубка, мне,
Не мило ль, даже и во сне,
Себя в краю таком увидеть тихом?
Прости! не поминай нас лихом!
Уж то-то там мы заживем:
В ладу, в довольстве, в неге!
Не так, как здесь, ходи с оглядкой днем,
И не засни спокойно на ночлеге».
«Счастливый путь, сосед мой дорогой! —
Кукушка говорит, – а свой ты нрав и зубы
Здесь кинешь, иль возьмешь с собой?»
«Уж кинуть, вздор какой!»
«Так вспомни же меня, что быть тебе без шубы».

Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернется,
А первый сам ни с кем не уживется.

«Волк и Кукушка». Басня опубликована в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» в 1813 г. О времени написания данных нет. Текст окончательно установлен в издании 1843 г.

В басне выражена мысль, что многие охотно винят других в том, в чем сами виноваты, плут часто выставляет себя как невинную жертву людской несправедливости.

Манил себя покоем – надеялся на спокойную жизнь.

Благочестивый – добрый, почитающий бога.

В ладу – в мире, в согласии.

Аркадия – область в Древней Греции, которая, благодаря плодородию почвы и мирному нраву ее жителей, славилась как счастливая страна.

Агнцы – ягнята, детеныши овцы.

Не поминай меня лихом – забудь, прости мне все дурное (лихо – зло).

В неге – в покое, в наслаждении.

Быть без шубы – быть без шкуры, придется погибнуть.

XVIII

Петух и Жемчужное Зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

«Петух и Жемчужное Зерно». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Петух и Жемчужное Зерно». Басня опубликована в сборнике «Басни» в 1809 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1815 г.

Басня самим автором была отнесена к числу «переводов или подражаний». Она представляет собой коренную переработку басни Лафонтена «Петух и Жемчужина», в свою очередь обращавшемся к басне Федра «Цыпленок к жемчужине». До Крылова в России этот сюжет разрабатывали Тредиаковский («Петух и Жемчужина»), Сумароков и Хвостов (оба – «Петух и жемчужное зерно»), А.П. Бенитцкий («Петух и Алмаз»).

В басне выражена мысль, что невежа считает пустяком все то, чего он не понимает.

Жемчужное Зерно – жемчужина, драгоценный камень.

Куда оно? – на что оно годно.

Вещь пустая – лишняя, ненужная вещь.

Толку не поймут – не в состоянии понять.

XIX

Крестьянин и Работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик-Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот, новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй, — говорит, — за что» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

«Крестьянин и Работник». Рисунок Н. Денисова. 1898

«Крестьянин и Работник». Басня опубликована в сборнике «Басни» 1815 г. Данных о времени написания нет. Текст окончательно установлен в издании 1840 г.

В басне выражена мысль, что за добро нужно платить добром, а не злом, неблагодарность – большой грех.

С плеч беда долой – беда прошла, миновала.

Все взапуски его ценят – опережая друг друга, оценивают его поступки.

Насел – напал, навалился.

Подмял – лапами подобрал под себя.

Почать – начать.

Не выдай – не покидай, помоги.

Геркулес – герой в древнеримской мифологии.

Отнес – отрубил одним ударом.

XX Обоз

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору,
Или в ночную пору;
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает назад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рывинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Всё кажется в другом ошибкой нам:
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

«Обоз». Рисунок А. Жаба. Начало XX в.

«Обоз». Басня опубликована в журнале «Сын Отечества» в 1812 г. Написана осенью 1812 г. Текст окончательно установлен в издании 1830 г.

В образе «доброй лошади» изображен Кутузов с его осторожностью и выдержкой при обороне от наступавшей наполеоновской армии. В Петербурге многие были недовольны главнокомандующим русской армии, не понимая его плана – медленного ослабления врага без сражений, измором. Император Александр I в рескрипте на имя Кутузова упрекал его в безде-

тельности и нерешительности. Но фельдмаршал не изменил плана действий и, как добрый конь, вывез на крестце свой воз целым и невредимым.

В басне выражена мысль, что всякую работу следует исполнять толково, осторожно, с терпением, иначе она вместо пользы принесет лишь вред. Об этом же говорит русская народная пословица: «Поспешишь – людей насмешишь».

Обоз – множество повозок, едущих вместе.

Других оставя – других коней.

Крестец – часть позвоночного столба, к которой прикреплены тазовые кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.